

Чужой ПРАЗДНИК ДЛЯ РУССКИХ

Тони Джадт

■ *Уважаемый господин Джадт, современная европейская общественная мысль интерпретирует события 1989 года как очень позитивное явление. Российское же общество остается по большей части безразличным к этой дате и сопутствующим ей событиям. Как бы Вы это объяснили? Означает ли это, что Россия считает это событие «чужим» праздником или нет?*

Конечно, для русских это «чужой» праздник и есть. 1989–91 годы — не самое лучшее время для России. В течение двухсот лет российской истории — от Екатерины Великой до Иосифа Сталина — наблюдалось неизменное территориальное расширение на запад и юг: Эстония, Беларусь, Украина, Молдова, Крым и Кавказ — это наше! А затем **Империя пала и была заменена на незащищенное национальное государство, Рос-**

сию, которой нечего праздновать, отмечая эти даты, но которая должна делать вид на международных форумах, что это были положительные события в ее истории.

Для всех остальных стран Восточной Европы распад СССР было хорошей новостью. Исключением является Югославия — маленькая многонациональная империя, где Сербия играла роль России, Босния представляла собой нечто среднее между Украиной и Кавказом, а Словения и Хорватия выступали за республики Прибалтики, фантазировавшие о «воссоединенной Европе». Если вы подумаете над тем чувством озлобления, и раздражения, и потери, которые сербские СМИ и интеллектуалы выражают сегодня, вы сможете увидеть российскую проблему в миниатюре. Вспомните также, что падение Империи обрекает множество представителей имперского этноса на жизнь в чужой стране: турки в Болгарии и Греции после Первой мировой войны, русские в Латвии. В этом аспекте события 1989 года и их нынешние последствия не представляются для России чем-то положительным.

■ *Считаете ли Вы события 1989 года новой стадией европейской интеграции, укрепившими Европейский Союз, или напротив, чем-то, что спровоцирова-*

ло новую разделительную черту между Старой и Новой Европой, которая на тот момент не проявила себя и обнаружилась позже?

Многим членам «старого» (до 1989 года) Европейского Союза было жаль видеть падение Советской Империи. Никто не был особо в восторге от втягивания в европейский проект всех этих маленьких и бедных стран на востоке. Дестабилизирующий эффект от падения СССР мог иметь только неблагоприятные последствия для юго-восточных и восточных границ Европы. Поэтому, я не думаю, что проницательные наблюдатели были удивлены результатами этого процесса: субсидии в крупных размерах для стран-новичков, институциональные проблемы для всего континента, и самое главное, очень различные настроения в восточноевропейских странах по поводу ЕС, особенно в Польше или Чешской республике. **Эти страны, откровенно говоря, вероятно предпочли бы присоединиться к США, чем к ЕС.** Эта позиция способствовала углублению расхождений по всем вопросам, начиная с войны в Ираке и заканчивая Лиссабонским Договором. Это сделало ЕС слабым партнером в международных делах, слабее, чем он мог бы быть.

■ *События 1989 года разрушили*

Тони Джадт — известный британский мыслитель, историк и философ, специалист по новейшей истории европейских стран. Профессор Нью-Йоркского университета, директор-учредитель Института Ремарка. Одна из главных целей института Ремарка — способствовать культурному сближению между американцами и европейцами.

В 1996 Джадт стал членом Американской академии наук и искусств. В 2008 получил европейскую премию за книгу «После войны», посвященную политическим и духовным процессам в послевоенной Европе. В 2009 он

получил Премию Оруэлла за «беспримерный вклад в развитие британской политической мысли». Тони Джадт — автор книг *Identity Politics In A Multilingual Age* (2004); *Postwar: A History of Europe Since 1945* (2005); *Reappraisals: Reflections on the Identity Politics* (2008).

О чем бы ни писал Джадт, во всех работах присутствует одна из его ключевых тем — сложные конфликты и парадоксы европейской истории, которые стали еще острее и поставили новые проблемы после 1989 года. По мысли Джадта, их можно решать только сообща, в содружестве Восточной, Западной Европы и России.

настоящую стену, существовавшую между Западной и Восточной Европой, но рано или поздно будет обозначена невидимая граница между Европой и не-Европой. Где, по вашему мнению, будет пролегать эта граница, и какое идеологическое и политическое значение она будет иметь?

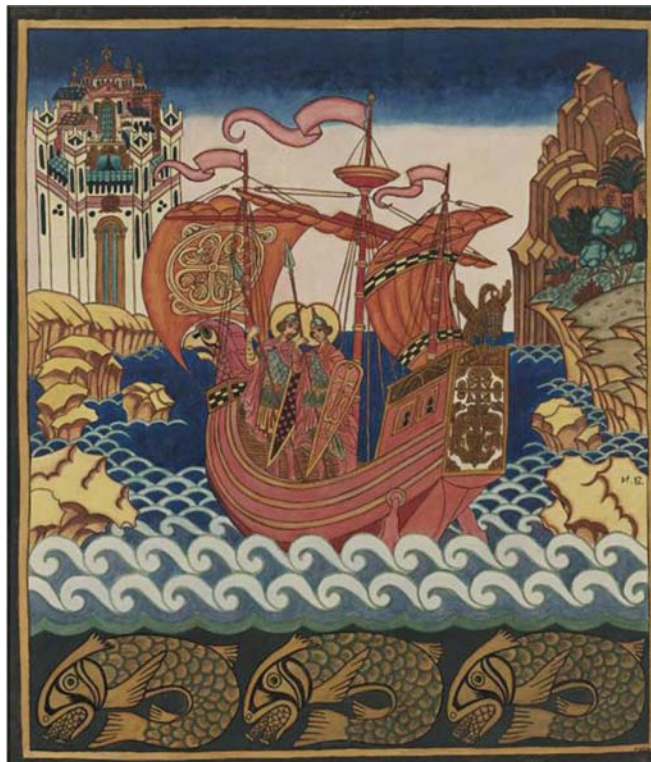
Эта невидимая граница была проведена во время балканских войн в 90-е годы: «они» (югославы) не были «настоящими» европейцами в глазах западного ЕС. В большей мере, отрицательное отношение немцев и особенно французов к членству Турции напомнило каждому (особенно, 15 миллионам европейских мусульман), что определение «европеец» тесно связано с христианской верой, несмотря на то, что большинство западных европейцев уже не придерживаются ее. Поэтому Турция исключена из европейского проекта по культурным и религиозным причинам — как бы мягко это ни было сказано, это бесспорно так и есть.

Украину и, например, Беларусь не будут пускать в Евросоюз настолько долго, насколько это возможно — и вероятно не пустят

дняшней России, хотя многие русские до сих пор обвиняют Михаила Горбачева в «потере ГДР»?

Это интересный пример когнитивного диссонанса. **Потеря ГДР — это абстракция. Эта территория никогда не имела большого значения для русских или советских граждан,** она была лишь символом

(Хрущев и Брежнев были бы счастливы пожертвовать Восточной Германией ради нейтральной, разоруженной и объединенной Германии в сердце Европы). Но эта потеря в сердцах людей связана с утратой имперских позиций СССР, поэтому Горбачева упрекают в обеих потерях.

по всем вопросам, начиная от Ближнего Востока и заканчивая российскими трубопроводами. Они не играют по правилам «европейской игры». Немецко-российские связи позволяют Берлину напомнить Варшаве, Праге, Будапешту о том, что эти небольшие страны не имеют большого веса в более крупных стратегических планах.

Я не могу сказать, что полностью одобряю такую перспективу. Это напоминание о тех днях, когда Берлин и Москва интриговали и флиртовали над лежащими ничком, окровавленными трупами «земель между ними». Именно так наиболее крикливые политики-националисты этих стран (например, Радек Сикорский в Польше) описывает новые германо-российские отношения. Но это реальность российского и немецкого своекорыстия. Одним из долгосрочных последствий событий 1989 года должно было стать возвращение к структурным привычкам межгосударственных отношений и географических связей, которые были временно сглажены Холодной войной. ■

Беседовали Никита Куркин
и Юлия Нетесова

Империя пала и была заменена на незащищенное национальное государство — Россию, которой нечего праздновать, отмечая даты 1989 года

никогда — по разным причинам: они бедны и коррумпированы, и нестабильны; и Россия не будет счастлива, если они станут полноправными членами ЕС. Конечно, Румыния и Латвия также бедны и коррумпированы. Но это небольшие государства, и они не являются частью исторической территории России, поэтому их легче представить внутри, чем вне Европы. Эти границы и рубежи произвольны, но они глубоко засели в умах брюссельских чиновников и общепринятой географии.

■ Как бы вы объяснили то, что немцы и Германия в целом имеют положительный образ в сего-

С другой стороны, сегодняшняя объединенная Германия — лучший друг России в Европе. И это факт, а не абстракция. Германия отчаянно нуждается в российском газе, и будет нуждаться в нем еще многие годы, а России будут нужны немецкие инвестиции (особенно если цены на сырье упадут) и дружба Германии в международных организациях. **Немцы намного сильнее, чем многие другие западные европейцы, чувствуют, что небольшие страны бывшей коммунистической восточной Европы — это экономическая и политическая обуза.** Эти небольшие страны выступают против единой европейской политики